

УДК 81'42, 82.081
DOI 10.17223/18137083/71/7

В. Н. Карпухина

Алтайский государственный университет, Барнаул

Образ «сибирского фронта» в публицистике Алтая начала XX века

Статья посвящена динамике образа «сибирского фронта» в публикациях ежедневной газеты «Жизнь Алтая» за 1911 г. Объект исследования – образ Сибири как локуса обитания в алтайской публицистике начала XX в. Рассматриваются изменения данного образа, связанные с трансформацией смыслов «колониального дискурса» в ситуации освоения Сибири.

В очерках и заметках первых номеров газеты «Жизнь Алтая» за 1911 г. «внешний фронт» отделяет локус обитания местных жителей, сибиряков, с одной стороны, от «инородцев», а с другой – от переселенцев из европейской части России. Последние именуются пришельцами и удостоиваются негативно окрашенного метафорического описания своего передвижения в сторону колонизируемого локуса. В более поздних литературно-художественных очерках о жизни и быте «культурных инородцев» происходит смена аксиологических приоритетов в изображении «чужого» пространства. Идиллическое описание локуса обитателей «алтайского приграничья» противопоставляется современной картине жизни, разрушению идиллии, которое связано с вторжением в их пространство цивилизации. Однако при встраивании локуса Алтая в туристический дискурс вновь происходит возвращение в клишированные рамки «колониального дискурса».

Ключевые слова: фронт, Сибирь, Алтай, публицистика, аксиология.

В статье рассматривается образ сибирского локуса в алтайской публицистике начала XX в. В качестве материала исследования выступают публикации ежедневной газеты «Жизнь Алтая» за 1911 г. из таких ее рубрик, как «По Сибири», «Жизнь Алтая», «Страничка переселенцев» и литературно-художественного отдела в целом. Основная задача статьи – рассмотреть изменения образа «сибирской приграничья», или, как принято его называть сегодня в исследованиях по лингвокультурологии, «сибирского фронта», связанные с трансформацией смыслов «колониального дискурса» в ситуации освоения Сибири и, в частности, Алтая.

Карпухина Виктория Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© В. Н. Карпухина, 2020

Термин «фронтир» в последние годы достаточно часто используется в актуальных работах исторического, литературоведческого и культуроведческого характера [Пелипась, 2005; Панарина, 2011; 2013; Щербинин, Щербинина, 2016; Резун, 2001; Markov, 2017]. Термин был перенесен на русскоязычную почву из работ исследователей, изучавших историю освоения Дикого Запада США в XIX–XX столетиях [Тернер, 2009] и отражение этого процесса в текстах литературы, живописи и кинематографа (см., например: [Резун, 2001; Ващенко, 1999; Гончаров, 2002]). «Феномен фронта возник в начале колониального периода американской истории, с появлением первых поселений на территории Нового Света. Реально фронтир представлял собой постоянно передвигавшуюся на Запад границу между освоенной, цивилизованной частью страны и дикой, туземной территорией континента» [Ващенко, 1999]. Изучение специфики «сибирского фронта» представляет, с точки зрения исследователей, не меньший интерес: «Однако не менее интересен и другой случай возникновения фронта в процессе колонизации, пусть и не такой “классический”, как американский, – это сибирский фронтир, уже ставший актуальной и интересной темой для изучения в российской историографии и исторической, культурологической, социальной, географической и других науках. Здесь сложился менее “агрессивный”, нежели на Западе, фронтир; сформировался вольный, но не демократический образ жизни у сибиряков» [Панарина, 2013, с. 39].

Отличие образов американского и сибирского фронтиров, закрепившихся в литературно-художественном дискурсе, а также их мифологической составляющей подробно рассматривается в работах [Панарина, 2011; 2013; Ващенко, 1999; Образ Алтая..., 2012]. Нам представляется необходимым исследование образа внешней и внутренней границы Сибири, или, в современной терминологии, «внешнего» и «внутреннего» фронта, в публицистических текстах алтайских авторов, обозначающих границу между «своими» и «чужими» в рамках пространства Сибири и, в частности, Алтая в начале XX в. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет смена ценностных приоритетов авторов публицистических материалов в газете «Жизнь Алтая», когда «внешний фронтир» постепенно трансформируется во «внутренний», а шаблонные элементы «колониального дискурса» постепенно заменяются литературно-художественными бытовыми зарисовками из жизни инокультурных обитателей пространства фронта.

По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «границу можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как “наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гармонически организованное” и т. п. Ему противостоит “их-пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое”. Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры» [Лотман, 2000, с. 257]. В очерках и заметках самых первых номеров газеты «Жизнь Алтая» за 1911 г. эта граница – внешний фронтир – отделяет локус обитания местных жителей, сибиряков, с одной стороны, от «инородцев» (ср. ироническое словоупотребление *новокрещенные инородцы* [Жизнь Алтая, 1911, № 1, с. 3]¹; *все сколько-нибудь культурные инородцы* (№ 12, с. 2)), а с другой стороны, от переселенцев из европейской части России. Последние именуются *пришельцами* и удостоиваются нелестных метафорических описаний своего передвижения в сторону колонизируемого локуса: *вливается народная масса, словно через рог изобилия, из Европейской России в Сибирь; старожилы теснятся пришельцами* (№ 2, с. 2); *А теперь понабились российские из разных мест* (№ 7, с. 2). Обитатели сибирского локуса в подобного

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера газеты и страницы.

рода текста чаще всего именуется *старожилыми*, реже – *сибиряками* (ср. «говорящий» псевдоним автора статьи «Деревенские дела и дни» – *Ф. Сибиряк*² (№ 107, с. 3)). Номинация *алтайцы* в значении ‘жители Алтая’ (не ‘коренные жители Горного Алтая’) присутствует только в прямой речи несибиряков в статьях, перепечатываемых из центральных газет.

Впервые термин *Алтайцы*, напечатанный с прописной буквы, появляется в литературно-художественном очерке «Алтайцы и Катунь», подписанном псевдонимом *Эрлик*³ (№ 36, с. 2). Данный очерк, близкий по стилистике к более поздним текстам Г. Д. Гребенщикова об Алтае, когда он в 1912 г. становится редактором «Жизни Алтая» [Черняева, 2008, с. 163–164], показывает смену аксиологической парадигмы в «национальном вопросе» локуса фронта. В более ранних текстах «Жизни Алтая» описание быта инородцев достаточно стереотипно представляет «их-пространство», чужое, враждебное, некультурное (жилища телеутов – *берестяные юрты конусом*, вокруг которых бегают *голые коричневые дети*; там ведут *упрощенное хозяйство грязные женщины в бараньих шубах*, у костров сидят *грязные мужчины с больными глазами* (№ 1, с. 3)). В данном случае представлен типичный вариант «колониального дискурса» с описанием некультурных аборигенов, которым принес свет истины и свободу белый человек (ср. вводимый в этом же очерке термин *новокрещенные инородцы*). Возвращение к подобным клишированным выражениям «колониального дискурса» происходит и в дальнейшем: *коренные жители Горного Алтая называются аборигенами, культурное самосознание которых наконец получает свое выражение в стремлении к школьному строительству* (№ 26, с. 3).

В очерке «Алтайцы и Катунь» происходит смена ценностных ориентиров русских жителей Алтая по отношению к коренным жителям Горного Алтая: обитатели локуса фронта именуется здесь *мирные поселяне-алтайцы*, которые *спешат убрать на полях свои запоздалые хлеба* (№ 36, с. 2). Существенно изменяются и черты описания алтайцев: *Тихо изредка проедут по карнизу реки, на боме, охотники, покуривая свои трубочки. Или алтайка в чегедеке пробежит верхом на пегой лошадке, позвякивая украшениями длинных кос и нарядом седла* (№ 36, с. 2). Идиллическое описание локуса обитателей «алтайского фронта» противопоставляется современной картине жизни, *горю сынов Алтая*, которое связано с вторжением в их пространство цивилизации. Эпические образы *могучего, царственного Алтая* и *красавицы Катунь*, *разметавшей горе алтайца по белому свету*, призваны усилить противопоставление идиллического прошлого обитателей фронта и их трагического настоящего. Автор очерка, подписавшийся именем одного из самых могущественных алтайских богов, *Эрлика*, вводит в текст транскрибированные слова алтайского языка, обозначающие предметы быта и верований алтайцев. Более того, в этом очерке впервые дается сноска-комментарий о верованиях алтайцев. В дальнейшем подобное введение безэквивалентной лексики и комментирующие сноски в текстах литературно-художественного отдела «Жизни Алтая» станут традиционными, в том числе и в текстах, связанных с жизнеописанием других народов Алтая – киргизов, калмыков и др. (см., например: (№ 43 и др.)).

Однако при встраивании локуса Алтая в туристический дискурс происходит возвращение в клишированные рамки «колониального дискурса». Представление об алтайских инородцах создается как с помощью фотографий художника С. М. Борисова, *жанровых этюдов, рисующих их быт, нравы, религиозный культ; шаманство с кровавыми жертвоприношениями, бурханские моления и пр.* (№ 6,

² Возможно, псевдоним принадлежит красноярскому журналисту Ф. И. Романову [Петряев, 1973, с. 24].

³ В некоторых источниках псевдоним приписывается Г. И. Гуркину [Михайлов, 2015].

с. 3), так и с помощью экскурсий, туристических поездок, которые *открывают экскурсантам новые горизонты, знакомят их с чуждым доселе, своеобразным миром*: например, одна из заметок в рубрике «По Сибири» повествует о туристической поездке воспитанников 7 класса Омской мужской гимназии на Алтай, где они могли увидеть своими глазами *быт и нравы алтайцев, жизнь животных в неволе («маральники»), кровавые жертвоприношения («камлание»), свадебные обряды* (№ 37, с. 3). Чуждый, своеобразный мир заключен в «райский» локус малодоступных гор (ср.: *Ни выше по течению Чулышмана, ни на восток от этого оазиса, среди пустынных гор, ни на запад нельзя ни сеять, ни жать. Там могут жить только птицы небесные* (№ 1, с. 3)). В качестве изначального вектора движения «пришельцев» на Алтай из европейской части России предполагается их направление в такие же труднодоступные для человека места, в которых сложно заниматься земледелием, поскольку ценностным ориентиром для авторов статей «Жизни Алтая» начала XX в. служит явный приоритет «своих» над «чужими». Ирония автора очерка «“Трудные” участки и слабые колонисты» (№ 42, с. 2) направлена на констатацию того факта, что *толпа слабосильных, разрозненных, серых переселенцев* не сможет полноценно жить и трудиться в *наиболее трудных и удаленных частях заселяемых местностей*, поскольку, по мнению автора, «не нашему крестьянину, воспитанному в тесных свивальниках административной опеки, справляться с “трудным” участком» (№ 42, с. 2). Однако в некоторых случаях ценностные ориентиры меняются на полностью противоположные, и удивление вызывают новые обитатели «алтайского фронта», которые быстро и эффективно налаживают свой быт на новом месте: *Оседают по преимуществу эстонцы. Озера и небольшие болотца эстонцы умеют быстро превратить в плодородную почву и устроить цветущее хозяйство там, где старожилы совершенно забрасывали землю... Сибиряки же, привыкшие к былому простору и хищному экстенсивному хозяйству, чувствуют себя чересчур «стесненными» и крайне недовольными* (№ 14, с. 3). В заметке присутствует явное одобрение переселенцев, «чужих», умело организующих свою жизнь в новом пространстве, даже в максимально неблагоприятных условиях, в отличие от сибиряков, *привыкших к былому простору и хищному экстенсивному хозяйству*. Аксиологические приоритеты автора заметки маркированы лексико-стилистическими средствами: эпитеты с положительными коннотациями соотносятся с «чужаками», эстонцами (*плодородная почва, цветущее хозяйство*), негативно окрашенные эпитеты соотносятся с сибиряками, «своими», «местными» обитателями локуса (*хищное экстенсивное хозяйство*).

При конструировании образа «алтайского фронта» на границе с Китаем и Монголией авторами «Жизни Алтая» начала XX в. используется ряд клишированных метафор пограничья, зачастую иронически переосмысленных: «**Окно в Монголию**» (переосмысление пушкинской метафорической номинации Петербурга) (№ 20, с. 2); *Естественно, что при таких условиях не дремлет японец, немец, англичанин, американец, и все прочее становится на ноги там, где нас долго ждали **открытые двери**, где рельеф местности открывает нам **свободный вход**, загороженный другим* (стершаяся метафора «граница – двери», статья «Китайские рынки и сибирская производительность» (№ 21, с. 2)). С точки зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафора... освещает определенные стороны нашего опыта. Метафоры также могут создавать для нас реальность, в частности, социальную реальность» [Lakoff, Johnson, 2003, p. 156]. Халха, или северная Монголия, представляется авторам геополитических статей «Жизни Алтая» начала XX в. гораздо более близкой, *соприкасающейся с Россией на протяжении многих тысяч верст*, и противопоставляется южной Монголии, *уже до известной степени окитаившейся* (№ 272, с. 3). Монголия в этом смысле выполняет в рассматриваемую эпоху ту же роль, что и оседлые кочевники, ставшие земледельцами

на рубежах Киевской Руси, которые обозначались оксюмороном «наши поганьи» (см.: [Лотман, 2000, с. 262]). Однако издательско-редакторская позиция газеты «Жизнь Алтая» в 1911 г. еще достаточно далека от идеологии великодержавного «колониального дискурса»: в указанной выше статье приводится весьма категоричное мнение проф. В. В. Сапожникова и известного этнографа и путешественника Г. Н. Потанина о необходимости сохранить независимость Монголии как государства (№ 272, с. 3).

При этом собственно Сибирь осмысляется как *медвежий угол, глухие закоулки, берлога, глухая окраина*, а не только как *великий диамант Российской Империи* (последнее высказывание является цитатой из перепечатанного из «Сибирского слова» интервью с премьер-министром П. А. Столыпиным). Достаточно редкими для «Жизни Алтая» этого периода являются риторические пассажи, изображающие Сибирь как пространство с великой историей: *Но сурово встретила пришельцев страна Ермака!* (№ 56, с. 3). Отсылка к величественной фигуре Ермака, покорителя Сибири, оказывается необходимой автору статьи о переселенцах для того, чтобы на контрасте с его образом показать полное обнищание *пришельцев* из европейской части России (Самарской и других губерний), которые, так и не получив земли, уходят просить подаяние. Введение в текст прямой речи переселенцев поддерживает риторический пафос статьи: *«Так вот и маемся хуже собак, прости, Господи, оно и стыдно просить, да и умирать-то с голода не хочется...»* (№ 56, с. 3).

Пространственная оппозиция «центр – периферия», где алтайский и в целом сибирский локус осмыляется как глубокая периферия России и мира, определяется целым рядом иронических высказываний авторов статей «Жизни Алтая» и сюжетами их очерков. Так, например, корреспондент литературно-художественного отдела М. Курский, давая рецензию на пьесу П. П. Вейнберга «Без солнца», иронизирует: *На афише сказано, что пьеса удостоилась премии на конкурсе литературно-художественного общества в Санкт-Петербурге, а потому местному рецензенту не стоит касаться литературно-художественных ее достоинств* (№ 40, с. 4). Почти анекдотические сюжеты некоторых заметок из раздела происшествий конструируют «алтайский фронт» в пространстве земного шара. Например, сюжет о некоем бийском крупном коммерсанте, сбегавшем от кредиторов в Австралию, четко обозначает недоступность для обитателей местного локуса пространства других, далеких государств: *Чисто сделано! Попробуй-ка теперь бийский судебный пристав достать австралийца* (№ 10, с. 4). Еще один сюжет из хроники происшествий иронически сопоставляет Барнаул с самым знаменитым итальянским городом на воде: *Ежегодно с наступлением весны в некоторых местах Барнаул представляет из себя Венецию. Например, 25 марта можно было наблюдать по Берской улице, против пивоваренного завода Паньшина, образовавшееся вследствие стока воды с Алтайских улиц озеро, по которому группа молодых людей весело раскатывалась на лодках с гармонией* (№ 68, с. 4). Образ алтайских «гондольеров» с «гармонией», безусловно, является пародийным и максимально снижает романтическое представление о барнаульской Венеции за счет введения деталей местного локуса (*по Берской улице, против пивоваренного завода Паньшина, вследствие стока воды с Алтайских улиц*).

Терминология «колониального дискурса», применяемая при описании американского фронта (см.: [Ако, 2004]), активно используется в публикациях, посвященных движению русских переселенцев вглубь Алтая и Сибири. Н. М. Ядринцев во многих своих очерках пишет о *колонизации* Сибири (см., например: [Ядринцев, 2007]). В текстах очерков и заметок газеты «Жизнь Алтая» начала XX в. переселенцы, движущиеся на Алтай и пытающиеся обосноваться там, часто называются *колонистами*. Бийские купцы, по аналогии с первопроходцами аме-

риканских прерий, именуется *пионерами отечественной торговли в Монголии* (№ 20, с. 2). Однако исследователи полагают, что позитивного мифа о колонизации Сибири к востоку от условного «фронттира», в отличие от американской версии, в литературе и искусстве конца XIX – начала XX в. не появилось [Панарина, 2013, с. 42]. Отрицательные образы Сибири, «алтайского приграничья» и его обитателей сформировались достаточно рано и закрепились в литературных и публицистических текстах. Ср.: «Сибирь на протяжении всей своей истории ассоциировалась в умах путешественников, жителей европейской части России, иностранцев, представителей русской интеллигенции с *мрачной картиной холодного гиблого края*» [Там же]. Авторы газеты «Жизнь Алтая» в начале XX в. пытаются изменить данный устойчивый образ, вводя взгляд на природу и людей Алтая, принадлежащий «стороннему наблюдателю»: в одном из первых номеров газеты за 1911 г. публикуются в неатрибутированном переводе отрывки из дневника путешественника и ученого Жюлья Легра «Из поездки по Сибири». В предисловии к данному тексту отмечается *восторженное отношение, которое проявлено французом-профессором в отношении красот нашей природы, чуть ли не заранее объявленной унылой, однообразной, серой и неэффективной, недостойной будто бы ни кисти, ни пера...* (№ 7, с. 2). С помощью использования приема «отрицания отрицательного образа» создается образ природы Алтая, достойной внимания любого образованного путешественника.

Ценностные приоритеты подобного рода выстраиваются и в заметках и литературно-художественных очерках бытоописательного характера, связанных с представлением «жизни и нравов» нерусскоязычных обитателей «алтайского фронттира». Так, в уже упоминавшемся очерке «Алтайцы и Катунь» «внешний фронттир» – граница между русскоязычным и коренным населением гор Алтая – постепенно превращается во «внутренний фронттир», отделяющий живущих в единении с природой от всего остального мира: *Пред взором в вечном движении кипит благородная волна, – дышит, живет горная река. Ярче и прекраснее отражаются берега в блеске ее изумрудной волны. Как очарованный, стоишь под крылом волшебной природы, и в чувстве восторга хочется крикнуть кому-то. Людям ли, живущим в далеких, пыльных, душных городах; рабам ли пошлого шума, будничных мелких забот, погрящим в сутолоке вседневной жизни, или еще кому-то?.. Оставьте все, и хотя на крыльях вашей мысли перенеситесь в эту долину! Взгляните на таинственный Алтай, на его красавицу, волшебную Катунь!.. В ней вы увидите красоту природы, в ее волне ощутите биение жизни и почувствуете, что дух вселенной бодрствует в ней от создания мира...* (№ 36, с. 2). Романтическое описание горной реки и ее прекрасной долины в противопоставлении *далеким, пыльным, душным городам*, в которых живут *рабы пошлого шума, будничных мелких забот, погрящие в сутолоке вседневной жизни*, отсылает к традициям русской и европейской монтанистики XIX в. [Янушкевич, 2015]. Олицетворение образов хранителя природы, *угрюмого, царственного богатыря Алтая*, и *красавицы Катунь* позволяет включить в локус *таинственного Алтая* не только его коренных жителей, но и *очарованного* рассказчика. Подобный ему включенный в рассказ наблюдатель присутствует в литературно-художественном очерке «Джарык (рассказ из жизни киргиз)» А. Горчаковского (№ 43, с. 2). «Внешний фронттир» между пространством обитания степных киргизов и русскими, живущими рядом, в сюжете переходит во «внутренний», когда сын старого киргиза Джарыка, Каначай, влюбляется в русскую девушку и хочет, вопреки воле всех родных, на ней жениться. Мудрое счастливое решение, которое принимает старый Джарык, связано с его уходом вместе с молодыми в степь, вдаль от соплеменников. Преодоление же «внутреннего фронттира» осуществляется с помощью символического переименования русской девушки, которую называют теперь *Мата*, как и умершую жену Джарыка. И вновь романтическое описание вольной

степи, состязаний молодых джигитов – *байги*, обычаев и нравов киргизов показывает смену ценностных ориентиров у авторов текстов в газете «Жизнь Алтая»: «чужое», «инородческое», «их-пространство» оценивается положительно, как пространство вольных людей, живущих в единении с природой, способных к настоящей любви и сильным чувствам.

Подвижность «внешнего фронта» и его трансформации во «внутренний» в рассматриваемых публицистических текстах связаны еще и с изменением образа внешнего и внутреннего врага поселенцев-старожилов Алтая. Если статьи начала 1911 г. показывают ситуацию «выживания» старожилов в условиях внешних угроз со стороны инородцев и переселенцев из европейской части России (они приносят с собой голод, болезни, «стесненность» на территории обитания сибиряков), то статьи и заметки середины и конца 1911 г. маркируют ситуацию обнаружения нового врага, на сей раз «внутреннего». В этом случае фронт разделяет православных обитателей Алтая и разного рода сектантов: село Панкрушиха, *глухая окраина*, объявляется местом, где *свили себе прочное гнездо* различные секты *во главе с опытными пропагандистами-начетчиками* (№ 103, с. 3). Жители села Верх-Убинское (Лосиха) именуется в заголовке одной из заметок «евангельскими фарисеями»: *Лосиха – это мертвый уголок Томской губернии. Оно мертво в умственном развитии своих обывателей, старообрядцев поморского толка. В каждой школе, в каждом образованном человеке они видят... олицетворение самого антихриста* (№ 273, с. 4). Саркастическое повествование о происшествиях, связанных с неправильным, «ненормальным» поведением сектантов (духовный о. Семенов отлучен и проклят при обнаружении у него *дьявольской машины под названием стенных часов*; членам общины запрещено ходить на мельницу, поскольку там местная интеллигенция устроила зимой каток – *бесовское ристалище*, и т. п.), свидетельствует о конструировании «внутреннего фронта» уже между русскоязычными поселенцами алтайских земель. Более того, данный «внутренний фронт» превращается в движущую силу для *выселения* сектантов местными жителями из некоторых деревень: *За последнее время между православными переселенцами и сектантами очень часто происходят на религиозной почве столкновения, вследствие чего некоторые сельские общества... начали возбуждать ходатайства о выдворении их из своей среды на другие участки* (№ 193, с. 3). Подобное выстраивание образа «внутреннего врага» и отграничение от него очередным фронтом, как нам представляется, связано с постепенным исчезновением или дальнейшим движением на восток фронта внешнего.

Программной статьёй при обозначении ценностных ориентиров авторов «Жизни Алтая» является статья из серии «Петербургские письма» Бориса Алтайского. Определяя геополитическую, национальную и культурную ситуацию существования на территории динамичного «алтайского приграничья» в начале XX в., автор прогнозирует, что сильнейшей культурой из всех национальных культур «явится, конечно, русская, в которой растворятся, в конце концов, все иные, принося свои своеобразные ценности языка, трактовки, искусства и т.д.» (№ 11, с. 2). Отмечая существенные отличия «алтайского приграничья» от подобных культурных границ в других государствах, автор считает, что «*проживем мирно и мы, россияне, а “сошьемся” быстрее, чем канадцы или швейцарцы, так как у тех культуры уже сложились и несколько застыли, а у нас лишь складывается*» (№ 11, с. 2). Идентификация основной части обитателей алтайского локуса как *россиян* и прогноз о *быстром слиянии* разнородных культур в единое целое при доминировании русской культуры демонстрируют аксиологические приоритеты большинства авторов газеты «Жизнь Алтая» в начале XX столетия. Изменения данных приоритетов (в частности, признание права других народов и культур по обе стороны фронта на независимое развитие, положительная оценка «чужих» в пространстве фронта) связаны с трансформациями «внешнего фронта»

во «внутренний» или формированием образа «внешнего» и «внутреннего» врага сибиряков-старожилов. Пространственная же динамика самого «алтайского приграничья» и продвижение фронта далее на восток Сибири и в Семиречье связано с ослаблением переселенческого движения на Алтай, что, безусловно, тоже находит отражение в критических публикациях «Жизни Алтая» в конце 1911 г.

Формирование положительно воспринимаемого образа Алтая как «сибирской границы», своеобразного «сибирского фронта» между миром, в котором обитают те, кто живет в гармонии и единении с природой, и миром «пыльных, душных городов» европейской части России происходит как за счет обращения к традициям русской и европейской романтической монтанистики, так и за счет появления в текстах публикаций «Жизни Алтая» отстраненного субъекта-наблюдателя, иностранца, способного оценить красоту и ценность местного локуса более объективно, чем это могли бы сделать сами обитатели «алтайского приграничья».

Список литературы

Ващенко А. В. Фронтир // История литературы США. М., 1999. Т. 2. Литература эпохи романтизма.

Гончаров Ю. М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Сибирская заимка: история Сибири в научных публикациях. 2002. URL: <http://zaimka.ru/goncharov-siberians> (дата обращения 25.11.2019).

Жизнь Алтая: ежедневная газета. Барнаул, 1911. URL: <http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/zhizn-altaya/gazeta-zhizn-altaya-1911-g/> (дата обращения 25.11.2019).

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Михайлов Д. А. Сибирское областничество и зарождение алтайского национализма // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 68–85.

Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: В 5 т. / Под ред. М. П. Гребневой. Барнаул, 2012. Т. 2: 1900–1917 гг.

Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 39–52.

Панарина Д. С. Феномен фронта в культуре Америки и России: Автореф дис. ... канд. культурологии. М., 2011.

Пелипась М. Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. выпускников программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири» / Ред. М. Я. Пелипась, Т. Л. Рыбальченко. Вып. 8. С. 15–24.

Петряев Е. Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков: Материалы к «Истории русской литературы Сибири» / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973.

Резун Д. Я. Сибирский и американский город на фронте // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Т. 4. С. 24–28.

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009.

Черняева Т. Г. Хроника жизни и творчества Г. Д. Гребенщикова // Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / Сост., автор вступ. ст., примеч. Т. Г. Черняева. Барнаул, 2008. С. 154–197.

Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Воля и доля: сибирский фронт как поиски рая // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 408. С. 178–187.

Ядринцев Н. М. Сибирская Швейцария // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века: В 4 т. / Сост. В. А. Скубневский и др. Барнаул, 2007. Т. 2. С. 83–95.

Янушкевич А. С. Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х годов как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. С. 5–19.

Ako E. O. From Commonwealth to Postcolonial Literature // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2004. № 6.2. DOI 10.7771/1481-4374.1227

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003.

Markov A. V. Literature of the Inner Frontier: Establishing the Term // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10. P. 1555–1562.

V. N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vkarpukhina@yandex.ru

The image of the “Siberian frontier” in Altai publicistic texts of the early 20th century

The paper considers the changing image of the “Siberian frontier” in the daily newspaper “Zhizn’ Altaya” (“Altai Life”) in 1911. The object under consideration is the image of the Siberian locus in the Altai publicistic texts of the early 20th century. The paper studies the changes in this image, connected with the transformations of the “colonial discourse” in Siberia and Altai settlement. The articles of the first issues of “Zhizn’ Altaya” in 1911 describe this “outer frontier,” as it is called now in linguoculturology, as the dividing line between the local space of the aborigines, the Siberians, and the so-called “non-Russians,” on the one hand, and the newcomers from the European part of Russia, on the other hand. These latter are called “the aliens” and many negative metaphors and comparisons are used when describing their moves to the colonized space. Later literary essays on the life and traditions of “cultural non-Russians” show the change of axiological priorities in depicting the “alien” space. The idyllic description of the locus of inhabitants of the “Altai frontier” is opposed to their modern life when the idyllic picture is crashed, and the civilization conquers their home space. Although, when Altai locus is integrated into the touristic discourse, everything goes back to the clichés of the “colonial discourse.” The spatial opposition of “center – periphery,” with Altai and Siberian loci, in general, considered as a deep periphery of Russia and the world, is defined by a number of ironical images used in the publications of “Zhizn’ Altaya.” However, the authors of these publications of the early 20th century try to change the constantly used negative image of Siberia and its inhabitants while introducing the “alien” point of view of a foreigner at people and nature of Altai.

Keywords: frontier, Siberia, Altai, publicistic texts, axiology.

DOI 10.17223/18137083/71/7

References

Ako E. O. From Commonwealth to Postcolonial Literature. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2004, no. 6.2. DOI 10.7771/1481-4374.1227

Chernyaeva T. G. Khronika zhizni i tvorchestva G. D. Grebenshchikova [The chronicles of G. Grebenstchikoff]. In: *G. D. Grebenshchikov i G. N. Potanin: dialog pokolenii (pis'ma, statyi, vospominaniya, retsenzii)* [G. Grebenstchikoff and G. Potanin: the dialogue of generations (letters, articles, memories, reviews)]. T. G. Chernyaeva (Comp., intr., notes). Barnaul, 2008, pp. 154–197.

Goncharov Yu. M. *Zhenshchiny frontira: sibiryachki v regional'nom sotsiume serediny 19 – nachala 20 v.* [Women of the frontier: Siberian women in the local society in the middle of 19th –

- early 20th centuries]. In: *Sibirskaya zaimka: istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh* [Siberian Zaimka: History of Siberia in Scientific Publications]. 2002. URL: <http://zaimka.ru/goncharov-siberians> (accessed: 25.11.2019).
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003, 276 p.
- Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, 704 p.
- Markov A. V. Literature of the Inner Frontier: Establishing the Term. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, no. 10, pp. 1555–1562.
- Mikhailov D. A. Sibirskoe oblastничество i zarozhdenie altaiskogo natsionalizma [The Siberian ‘oblastничество’ and the origin of Altai nationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2015, no. 6, pp. 68–85.
- Obraz Altaya v russkoy literature 19–20 vv. Antologiya: V 5 t.* [The image of Altai in Russian literature of the 19–20 centuries. An anthology: in 5 vols]. M. P. Grebneva (Ed.). Barnaul, 2012, vol. 2: 1900–1917.
- Panarina D. S. *Fenomen frontira v kul'ture Ameriki i Rossii* [The frontier phenomenon in American and Russian cultures]. Abstract of Cand. cult. sci. diss. Moscow, 2011, 23 p.
- Panarina D. S. Mify i obrazy sibirskogo frontira [Myths and images of the Siberian frontier]. *Cultural Geography & Geohumanities*. 2013, vol. 2, no. 1, pp. 39–52.
- Pelipas' M. Ya. Opyt ispol'zovaniya idei frontira v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Zapadnoy Sibiri [An essay in the frontier concept in humanitarian studies of West Siberian scientists]. In: *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch. konf. vypusnikov programy Fulbrayta "Amerikanskije idei v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri". Tomsk, 12–14 sentyabrya 2004* [American studies in Siberia: Proceedings of the All-Russian scientific conference of Fulbright graduates “American Ideas in Humanitarian Studies of Siberia Scientists” Tomsk, 12–14 September 2004]. M. Ya. Pelipas', T. L. Rybal'chenko (Eds). 2005, iss. 8, pp. 15–24.
- Petryaev E. D. *Psevdonimy literatorov-sibiryakov: Materialy k "Istorii russkoi literatury Sibiri"* [Pseudonyms of Siberian writers: The materials to “The history of Russian literature of Siberia”]. The USSR Academy of Science. Siberian Branch. The Institute of History, Philology, and Philosophy. Novosibirsk, 1973.
- Rezun D. Ya. Sibirskii i amerikanskii gorod na frontire [A Siberian town and an American town at the frontier]. In: *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v 17–20 vv.: obshchee i osobnoe* [The frontier in the Siberian and American history in the 17th–20th centuries: general and specific]. Novosibirsk, 2001, vol. 4, pp. 24–28.
- Turner F. J. *Frontir v amerikanskoy istorii* [The frontier in American history]. A. I. Petrenko (Transl. from English). Moscow, 2009.
- Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Volya i dolya: sibirskii frontir kak poiski raya [Freedom and fortune: The Siberian frontier as a search for the Paradise]. *Tomsk State University Journal*. 2016, no. 408, pp. 178–187.
- Vashchenko A. V. Frontir [The frontier]. In: *Istoriya literatury SShA. T. 2. Literatura epokhi romantizma* [The history of American literature. Vol. 2. Literature of Romanticism]. Moscow, 1999.
- Yadrintsev N. M. Sibirskaya Shveysariya [Siberian Switzerland]. In: *Altay v trudakh uchenykh i puteshe-stvennikov 18 – nachala 20 veka: V 4 t.* [Altai in the works of scientists and travelers of the 18th – early 20th centuries: in 4 vols]. V. A. Skubnevskiy et al. (Eds). Barnaul, 2007, vol. 2, pp. 83–95.
- Yanushkevich A. S. Russkaya romanticheskaya montanistika 1810–1830 godov kak imagologicheskii i komparativistskii tekst [Russian romantic montanistics of the 1810–1830s as an imagological and comparative text]. *Imagology and Comparative Studies*. 2015, no. 2, pp. 5–19.
- Zhizn' Altaya: ezhednevnyaya gazeta* [Altai life: a daily newspaper]. Barnaul, 1911. URL: <http://akunb.altlib.ru/kollekczi-elektronnoj-bibilotekt/zhizn-altaya/gazeta-zhizn-altaya-1911-g/> (accessed: 25.11.2019).